

СМЕНА

КРАСКО репетировал монолог Вячеслава из «Нескольких дней без войны»: «Когда я вылез из-под откоса среди стонов и кусков людского мяса, только что бывших людьми, я понял, что не смогу преодолеть себя, снова сесть в поезд и ехать туда...» С героем симоновской повести это произошло, как известно, под Минском: эшелон, в котором он ехал на фронт, попал под бомбежку, и вот — приступ страха, который Краско хочет сейчас в своем герое как-то понять, объяснить... Может, и в его жизни тоже случалось подобное? Хоть раз случилось? И память откликается: было!

СНАЧАЛА Иван услышал тогда взрыв и кинулся к окну, из которого посыпались стекла, но баба Поля резко дернула его за рубашку вниз, на пол. Он все-таки выскочил на улицу, и там на него навалилось небо, которое над родными Вартемяками стало вдруг совсем черным, — столько было в нем гитлеровских самолетов, и шли они низко, очевидно, бомбить какимовский аэродром. И еще это небо ужасно ревело, выло, подавляло... Мальчишка упал на землю с одним-единственным желанием — как

тал тоже. Ему очень важно было сыграть этого человека незаурядной душевной энергии, большого нравственного здоровья, страстной отзывчивости на чужую беду... И когда однажды на репетиции кто-то из коллег заметил: мол, побольше бы тут надо легкости, полета, в общем, «романтики», артист взорвался:

— Ну да, для тебя «романтика» — это когда человек заливается тенорком и порхает как бабочка... Или — когда в яхте по волнам скользит... Через все такое я уже давно прошел...

Да, через это Краско прошел. Круглый сирота с шести лет, он воспитывался у бабушки Поли, а в пятнадцать остался совсем один. И тогда Иван поступил в военно-морское училище, узнал, что такое строгий, расписанный по минутам распорядок, с утра до вечера учебные занятия, мудреное морское дело. Пресловутой «романтики», конечно, хватало тоже: и на веслах ходил, и под парусами, и соленые брызги в лицо летели, и ленточки за спиной бились, и в праздники проплывал через всю севастопольскую бухту, от берега до берега... А как ладно сидела на нем флотская форма!.. И разве командовать боевым кораблем — это не романтично? Так вот, Краско, повторяю, через все это прошел и теперь

серьезно, от роли к роли оттачивает мастерство, завоевывает все новые и новые творческие позиции...

И вот вскоре после столь лестных слов Товстоногова, буквально через год, актер сам покидает БДТ. Почему? Что за нелепость? Краско объясняет: «Играл рядом с настоящими мастерами, и у меня было такое чувство, что мастерство мне тут заранее задано, а у меня-то его на самом деле нет... И пошел на добычу...»

«На добычу» он пошел, заметьте, из коллектива, ставшего уже академическим, в не очень-то популярный областной театр, чтобы работать там с одним молодым режиссером. Новый творческий союз сулил интересные открытия, но — бывают же такие стечения обстоятельств — спустя три месяца в областном режиссер сменяется, и Краско тоже вынужден писать заявление о расходе. И так, что делать актеру? Можно сложить руки ждать, пока случай одарит его великой ролью и гениальным мастером-наставником, а пока сетовать на несправедливость судьбы — тем более что многие выбирают именно этот путь. Но есть и другой путь: не ныть, а работать, много работать, используя любую возможность, стремительно набирать опыт, совершенствовать профессию

волюции зависит от людей, чьими руками она делается, что «самое главное — держать знамя в чистоте»...

ЕСТЬ в киноэпопее «Блокада» такой герой — лейтенант Горелов. С группой бойцов он, смертельно усталый, вышел из окружения и вот теперь здесь, на Пулковских высотах, готов стоять насмерть. Он дрался у этих высот уже в девятнадцатом, с Юденичем, и хранит в кармане листовку, подписанную Лениным: «Ни шагу назад! Не отдадим красный Петроград...» Увидев листовку, комиссар говорит взволнованно: «Не потеряйте, обязательно надо ее прочитать бойцам...». И Горелов очень просто, очень спокойно отвечает: «Ну зачем же терять? Я ее в партбилете храню».

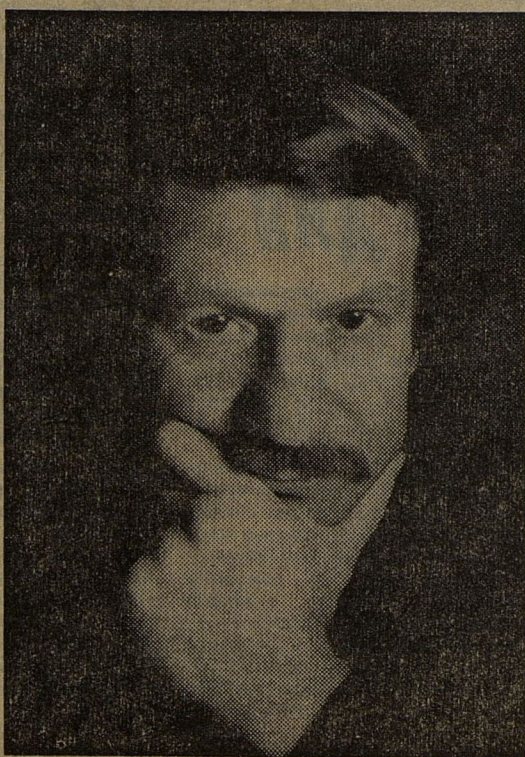
Для этого эпизода хватило всего одного дубля, причем снимался он без репетиций. Режиссер крикнул: «Стоп!» и кинулся к Краско: «Спасибо, родной. Очень боялся, что переиграешь, пережмешь...» А Иван подумал: «Чего тут пережимать? Все же так ясно, тем более что в кармане — свой партбилет...». И еще не знал режиссер, что для Краско это место съемки было не просто «натурой», что здесь, в Вартемяках, пережил он войну, что всего в двух километрах отсюда была его изба

личность. нравственность. общество

НЕ «КАЗАТЬСЯ»,
А «БЫТЬ»!

ТАКОВ ЛОЗУНГ И В ИСКУССТВЕ, И В ЖИЗНИ
ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА РСФСР

Ивана КРАСКО

можно глубже врыться, уйти по плечи, по пояс, но постепенно любопытство одолело страх, и он перевернулся на спину, чтобы видеть, как наши «ястребки» уже ведут бой с «юнкерсами»...

Столько лет прошло, а он и сегодня не может простить себе того страха и, если заходит разговор о войне, сразу видит черное, режущее небо и мальчишку, распластанного на земле. И еще о многом передумалось артисту, пока разбирался со своим Вячеславом, выискивая ниточки для его нравственного возрождения, — и о любимом брате Володе, лейтенанте-артиллеристе, что погиб в самом начале сталинградского сражения, и о двух дядях, тоже не вернувшихся с фронта, и о другом брате, Николае, которого война уже после войны все-таки догнала и убила...

Эти воспоминания сидят в артисте, словно осколки. Они болят в нем — не только когда Вячеслав исповедуется Лопатину. Они кричат в нем, и когда на сцене Театра имени Комиссаржевской идет совсем другой спектакль — тот, в котором главный судья древнего города Эфеса Клеон борется с главным мерзавцем Эфеса по имени Герострат, сжегшим прекрасный храм Артемиды. Гражданин против подонка. Человек долга против циничного маньяка. Огонь всеядящий против огня всепожирательного... И все же не столько с Геростратом ведет тут Краско свой страстный диалог, сколько со зрителем. Да, со зрителем. Есть в его роли такой момент: артист вдруг делает паузу и медленно-медленно проводит взглядом по лицам тех, кто сидит в черноте зала... И мы как бы слышим его тоску: «Люди, ну неужели вы не понимаете, что стоит за кривлянием этого подонка? Не века, а всего десятилетия назад по нашей земле прошли героостраты, которые спалили Хатынь с живыми людьми, да одну ли только Хатынь!.. И разве можно хоть на минуту забывать, что не перевелись еще героостраты, в чьих руках вместо спичек — ядерные бомбы, в чьем горячем мозгу видение полыхающего Храма Жизни — всей нашей голубой планеты?»

Однажды позвонил артисту старый друг:

— Посмотрел вчера твоего Клеона...

— А что не зашел за куписы?

— Хотел зайти, но ты по мне так стрельнул глазом, что побоялся...

И артист сказал:

— Спасибо. Значит, я делаю правильно.

НЕ ЗРЯ ЖЕ он так мечтал об этой роли. И о роли Билла Старбака в пьесе Ричарда Нэша «Продавец дождя» меч-

тал тоже. Ему очень важно было сыграть этого человека незаурядной душевной энергии, большого нравственного здоровья, страстной отзывчивости на чужую беду... И когда однажды на репетиции кто-то из коллег заметил: мол, побольше бы тут надо легкости, полета, в общем, «романтики», артист взорвался:

— Ну да, для тебя «романтика» — это когда человек заливается тенорком и порхает как бабочка... Или — когда в яхте по волнам скользит... Через все такое я уже давно прошел...

Поэтому крепко стоит на земле его Билл Старбак, и «вызывает» он долгожданный ливень прежде всего потому, что отлично знает метеорологию, знает, что сулят вот эти перистые облака... Но самое главное для Билла — в том, что его дождь проливается не только на иссушенную зноем землю, но и на иссушенные сердца, ведь бескрылость душ — та же засуха...

И сам Краско стоит на земле тоже надежно. И как артист — надежно, и как человек. Сужу об этом хотя бы по тому, как смело он умел не раз заново начинать свою биографию, необъяснимо, казалось бы, отказываясь от уже гарантированного благополучия.

Посудите сами: вчерашний деревенский мальчишка становится командиром корабля, одним из самых молодых на флоте — здорово? Конечно, здорово. Однако человека манит иная звезда, и он решает променять китель морского офицера на работу в НИИ... столярю, на заочное отделение ленинградского филфака, на университетский драмкружок. Ну хорошо, можно бы, наверное, продолжать в том же духе: приобрести приятную профессию, отвечающую гуманитарным склонностям, а в свободное от основной работы время играть в самодеятельности. Однако полновинчатые решения — совсем не для Краско. Подчиняясь настойчивому голосу призвания и преодолев сомнения в собственных силах, он начинает свою биографию сначала. Известно, театральный институт любят юных, а Краско под эту категорию уже явно не подпадал, поэтому ему отказали. Через год в доме на Моховой он все же доказал свое право быть актером.

После окончания института следует приглашение в труппу БДТ — это ли не большая честь для артиста, тем более вчерашнего студента? Краско успешно работает в прославленном коллективе. В интервью, данном корреспонденту «Смены» пятнадцать лет назад, Товстоногов называет его в числе «одаренных молодых людей», которые «годами, очевидно, займут ведущее положение в театре». Далее Георгий Александрович говорит о том, что ему в этом актере представляется самым ценным: «У Краско прекрасные внешние данные социального героя и, что особенно радует, очень современный общественный характер. Он живет широко, всегда принимает близко к сердцу дела театра, боится за них душу. Краско работает вдумчиво,

нальное мастерство. В общем, делать себя. Пусть этот путь некоторым аристократам от искусства кажется слишком хлопотным — Краско выбирает именно такую судьбу.

И **НАЧАЛСЯ** его большой труд — не только на театральной сцене, но и в кинематографе, на радио, телевидении... А телеэкран, как считает Краско, «для актера словно лакумовая бумажка — очень уж близко к зрителю твои глаза, сразу видно: врешь или нет...» Вот тут-то и проявляется, изнутри несет актер свою мысль, или все так, внешнее, одна «игра»... Что же касается самого Краско, то тут и неискушенный зритель, и маститый критик сходились и сходятся на одном: пусть его герои разнятся друг от друга, но в основе их неизменно лежит личность актера — человека мыслящего и осязающего общие заботы и проблемы времени как свои личные.

Читатель наверняка заметил, что в театральной критике уже несколько лет настойчиво звучат такие определения — «современный актер», «несовременный актер»... Например, Ивана Краско обычно причисляют к «современным», однако он сам по этому поводу думает так:

— Любимый актер — современный, но только — что отражает? Либо тех, кто производит. Либо тех, кто потребляет... Жизнь и сцена связаны тут неразрывно. Лично я — за производителя...

И, наверное, такое высокое понятие, как гражданская позиция актера, должно подтверждаться не столько «красивыми» фразами, которые он произносит со сцены, но прежде всего его жизненными делами и поступками. Так вот, Краско люди верят, Краско люди уважают — даже те, кому он, случалось, говорил в лицо и не очень-то приятную правду.

Не первый год Краско в партбюро, сейчас — замсекретаря по идеологической работе, и как надежно порой в этом непростом деле помогают артисту его герои — такие, например, как Луначарский, как Антонов-Овсеенко... Что было самым важным для него, когда готовил роль нарком просвещения в спектакле по пьесе Шатрова «Большевики»? Артисту было важно, что Луначарский берет на себя Личную ответственность за любое решение Совнаркома. Артист понимал, что именно способность заглядывать в завтра, привычка работать именно во имя него дает Луначарскому силы и право заниматься вопросами искусства в голодной Москве восьмнадцатого года. И сердце коммуниста Краско остро отзывалось на горячее убеждение нарком в том, что судьба ре-

земля, в которую мальчишка вжимался тогда под черным яростным небом...

Да, здесь земля, которая дает ему всякий раз новые силы для трудной работы, для непростой жизни. Не случайно же не мыслит отпуска, скажем, на Черном море — только здесь, в краю своего тревожного детства, находит покой и отдохновение. Приезжает, помогает брату по хозяйству, столярничает — тут у него свой верстак. И дома столярничает тоже («Мне важно, что мои книги стоят на моих полках...»). Краско убежден: не стань он артистом, получился бы, наверное, неплохой столяр-краснодеревщик... В таком виде отдыха для него — еще и сохранение привычного жесткого ритма: чтобы не расслабиться, чтобы каждый день обязательно уставать. Тренаж и еще раз тренаж. («Думаешь, это просто — лечь после спектакля в два ночи, а встать уже в семь, дабы в девять на записи твой голос звучал как надо?»). Часто повторяет: «Актер должен нарабатывать свою профессию собственной шкурой». Поясняет: «Хлебороб берет из земли зерно, чтобы потом вернуть его в землю. Но сколько за этим стоит труда! Так и в нашем актерском деле: все, что умеем, берем из жизни и в жизнь возвращаем...»

Его сын Андрей, который нынче тоже закончил ЛГИТМиК, играет в Томском театре. Конечно, можно было бы пристроить парня и в какой-нибудь ленинградский коллектив, но отец решил: «Поезжай в Сибирь». И добавил любимое: «Нарабатывай профессию собственной шкурой. Так-то оно надежнее».

СЕЙЧАС он готовит моноспектакль по Сократу, чья личность еще в юности потрясла актера. Читает мне отрывок из речи, которую этот удивительный философ древности произнес когда-то на собственном суде: «Пока я дышу и остаюсь в силах, я не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только ни встречу, говоря то, что обыкновенно говорю: «Не стыдно ли тебе заботиться о деньгах, чтоб их у тебя было как можно больше, о славе и почестях, а о разумности, об истине и о душе своей не помышлять, чтобы она была как можно лучше?»...»

Потом, после долгой паузы, задумчиво произносит:

— Помнишь, Гамлет с горечью возражает матери: «Не кажется, сударыня, а есть! Мне «кажется» невежество...? Пожалуй, это мой лозунг — и в искусстве, и в жизни: не «казаться», а «быть»! Во всяком случае, как могу, стремлюсь к этому...»

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото О. Миронца